

ОБЪ ЭКЕРНФЁРДСКОМЪ СРАЖЕНІИ

24 марта (5 апрѣля) 1849 г.

I (*).

Съ глубокою скорбью берется морякъ за перо, чтобы описать мрачную картину борьбы, изъ которой любимое и обоготворяемое оружіе не вышло побѣдителемъ, борьбы, при столь неравномѣрномъ распредѣленіи силъ, окончившейся блистательною побѣдою береговыхъ батарей и сухопутныхъ войскъ, не имѣвшихъ почти понятія о томъ, что такое военное судно, и шедшихъ въ бой съ неувѣренностью. Но и несчастье поучительно для сторонника оружія; оно служитъ источникомъ опытности для грядущихъ временъ. Поэтому изъ числа существующихъ, противорѣчащихъ другъ другу описаній, полагаю весьма важнымъ выдѣлить наиболѣе вѣроятное, чтобы такимъ образомъ подойти по возможности ближе къ истинѣ.

Послѣ безплодныхъ мирныхъ переговоровъ, въ апрѣлѣ 1849 года возгорѣлась война между Данією и Германією, за право владѣнія герцогствами Шлезвигъ и Голштинія. Датскій народъ стоялъ одинъ. Правота его дѣла была единственною союзницею. Датское войско, увеличенное зимою до 30 000, не могло мѣряться численностью съ германскимъ, вступившимъ въ герцогства въ числѣ 50 000 человекъ; кромѣ того, нѣмцы часто получали подкрѣпленія и потому легко возмѣщали свои потери. Но зато датскій флотъ не имѣлъ противника на морѣ. Этотъ флотъ, кромѣ того, съ незапамятныхъ временъ пользовался довѣріемъ народа. Датская военная честь,

(*) Изъ собранія сочиненій Оскара II, короля Швеціи и Норвегіи, «Skrifter på prosa», Stockholm 1888, монографія «Striden vid Eckernförde».

въ продолженіи послѣднихъ столѣтій, главнѣйшимъ образомъ основывалась на подвигахъ отечественнаго флота. Неудивительно поэтому, что флотъ въ Даніи былъ всегда популярнѣе арміи. Датскіе морскіе офицеры были извѣстны своею ловкостью, а еще болѣе своею отвагою. Въ хорошихъ матросахъ ощущался, однакоже, недостатокъ, особенно при необходимости снаряжать въ море такъ много судовъ; но вѣдь непріятель не имѣлъ совершенно судовъ на морѣ. Все поэтому казалося благопріятствовало датчанамъ.

Командоръ Гардъ получилъ командованіе надъ Балтійскимъ флотомъ, часть котораго блокировала Свинемюнде и прусское побережье, города Киль и Любекъ, а также вела наступательныя дѣйствія по берегамъ герцогствъ, на лѣвомъ крылѣ арміи. Взоры всѣхъ обратились на Экерифёрдскую бухту, карта которой приложена къ сему очерку. Планъ, хотя и не вполне понятный, — былъ повидимому слѣдующій: послѣ разрушенія укрѣпленій взять городъ (Экерифёрде) десантомъ, окопаться тамъ и, смотря по обстоятельствамъ, дѣйствовать противъ Килия и Фридрихсорта, или же по крайней мѣрѣ, дѣйствуя изъ укрѣпленнаго лагеря, заставить германцевъ очистить сѣверный Шлезвигъ, и такимъ образомъ облегчить датскимъ корпусамъ, идущимъ изъ Ютландіи и Альзена, соединеніе въ Сундеведѣ. Осуществить все это съ столь небольшими силами, какими обладали датчане (численность этихъ силъ, на сколько удалось до сихъ поръ узнать, не превышала 10 000 человекъ), было явно несбыточно.

Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ командоръ — капитанъ Палюданъ, по его собственному показанію, получилъ отъ «высшаго начальства» вполне опредѣленное приказаніе: войти въ Экерифёрдскій заливъ, разрушить батареи и взять городъ.

Узкій Экерифёрдскій заливъ имѣетъ въ длину 2 герман. мили, считая отъ вѣшняго края отмели Миддельфлакъ до начала приглубаго мѣста у берега, къ югу отъ маленькаго города Экерифёрде, расположеннаго на узкой косѣ, между моремъ и небольшимъ озеромъ. Бухта расположена почти по параллели, при чемъ входъ въ нее открытъ на востокъ; у

входа бухта имѣетъ въ ширину 4, а на половинѣ длины — 2 морскихъ мили; далѣе ширина не измѣняется на нѣкоторомъ разстояніи, но затѣмъ бухта опять суживается и кончается почти сразу изгибомъ къ сѣверо-западу. Глубина бухты у входа — 20 морскихъ сажень, но на разстояніи нѣсколькихъ кабельтовыхъ отъ берега, глубина, согласно картѣ, не меньше 7—10 сажень. Берега очень обрывисты и поднимаются вверхъ, мѣстами въ видѣ холмовъ, мѣстами же они изрѣзаны рывинами и углубленіями, образующими небольшія озера или пруды. Войско, отряженное для защиты южно-шлезвигскаго побережья, большею частью состояло изъ саксонцевъ, нѣсколькихъ нассауцевъ и шлезвигъ-голштинской крѣпостной артиллеріи, все подъ начальствомъ принца Эрнста Саксенъ-Кобургъ-Готскаго. При Экерифёрде принцъ присутствовалъ самъ, съ 3—4 баталіонами пѣхоты и нассауской полубатареей, состоявшей изъ четырехъ 12-фунтовыхъ орудій. Кромѣ того, для береговой обороны были возведены два отдѣльныхъ земляныхъ укрѣпленія: сѣверное А было вооружено, согласно свѣдѣніямъ того времени, двумя 84-фунт. орудіями для снаряженныхъ бомбъ (системы Paixhans) и столькими же орудіями 24-фунт. или 18-фунт. для круглыхъ сплошныхъ ядеръ (*). Калильные печи для ядеръ были во время дня поставлены, на южной батарее В, такъ что можно было употреблять въ дѣло каленныя ядра. Таково было положеніе германцевъ.

4 апрѣля, послѣ полдня, съ форта Лабѣ, у Килия, былъ поданъ сигналъ, что нѣсколько датскихъ парусныхъ судовъ держать курсъ на западъ, при довольно сильномъ восточномъ вѣтрѣ. Эти суда на ночь бросили якорь у входа Экерифёрдской бухты, на $\frac{3}{4}$ мили отъ самой крайней къ входу бата-

(*) По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, существовала еще 3-я батарея. Второй лейтенантъ баронъ Ф. Ведель-Лрасбергъ въ своемъ рапортѣ упоминаетъ о третьемъ укрѣпленіи, расположенномъ ниже и вооруженномъ шестью 18-фунт. орудіями, такъ что батарея В имѣла всего 10 орудій. Объ этомъ, однакоже, ни Палюданъ, ни германцы, ничего не упоминаютъ. Въ вышеуказанномъ рапортѣ, кромѣ того, говорится о гораздо большемъ количествѣ полевыхъ орудій 12-фунт. и 6-фунт. калибровъ, размѣщенныхъ на различныхъ мѣстахъ по берегу, какъ къ сѣверу, такъ и къ югу отъ города (см. карту).

рен. Отрядъ командоръ-капитана Паллюдана состоялъ изъ линейнаго 84-пушечнаго корабля *Christian VIII*, 46-пушечнаго (а по другимъ свѣдѣнiямъ 48-пушечнаго) фрегата *Gefion* подъ командою капитана Мейера, брига *Sanct-Croix* и пароходовъ *Hekla* (капитанъ Альхлундъ), и *Geiser* (капитанъ-лейтенантъ Вульфъ), вооруженныхъ 2 тяжелыми бомбическими орудiями и еще нѣсколькими 24-фунт. Паровая машина парохода *Hekla* развивала 200, а парохода *Geiser* 160 пар. лощ. силъ. Кромѣ того, кажется, имѣлось еще въ распоряженiи еще одно паровое и 3 транспортныхъ судна, но первое, равно какъ и бригъ *Sanct-Croix*, рано подняли якоря и направились обратно въ море.

На слѣдующiй день въ 4 часа утра, въ четвергъ на страстной недѣлѣ, при ровномъ восточномъ вѣтрѣ, начальникъ отряда рѣшился атаковать. Здѣсь приводится подлинное донесенiе начальника отряда:

«Самъ я хотѣлъ съ линейнымъ кораблемъ идти впередъ по линiи, отмѣченной на чертежѣ (*) и занять позицiю, означенную буквою Z, фрегатъ долженъ былъ встать въ точкѣ F. Пароходамъ слѣдовало держаться внѣ выстрѣловъ батареи А, и потому идти вдоль южнаго берега бухты, по намѣченной линiи, и стрѣлять бомбами изъ носовыхъ орудiй по батареѣ В. Во всякомъ случаѣ, эти пароходы должны были быть на готовѣ, при подачѣ сигнала пароходу *Hekla* съ линейнаго корабля, а пароходу *Geiser* съ фрегата, быстро подойти и взять упомянутыя суда на буксиръ для вывода въ море».

Въ 7¹/₂ ч. утра эскадра была подъ парусами, при чемъ вошла въ сферу огня подъ марселями. Батарея А тотчасъ открыла оживленный огонь, которому *Christian VIII* отвѣчалъ, проходя мимо нея. Въ опредѣленномъ мѣстѣ, т. е. вѣроятно на WSW отъ батареи А, ближе къ югозападной прибрежной отмели, значить, на NO отъ батареи В,—линейный корабль отдалъ лѣвый становой якорь, завезъ вервь и

(*) Вѣроятно этотъ чертежъ никогда не попалъ въ Копенгагенъ и остался во власти непрiятеля. Все начерченное на приложенной картѣ изображено приблизительно, руководствуясь вѣроятностью и согласуясь съ другими свѣдѣнiями.

всталъ на шпрингъ. Орудiя обоихъ бортовъ, такимъ образомъ, могли до извѣстной степени обстрѣливать обѣ батареи.

Фрегатъ *Gefion*, повидимому, сталъ на якорь немного впереди корабля; поворотъ фрегата былъ таковъ, что бортовые орудiя его не могли нанести непрiятелю должнаго вреда. Сраженiе между тѣмъ сдѣлалось общимъ; стрѣльба производилась непрерывно, если не считать тѣ небольшие промежутки, которые были необходимы для выжиданiя разсѣванiя пароходнаго дыма, чтобы имѣть возможность наводить орудiя. Датчане стрѣляли частью залпами, частью продолжительнымъ бѣглымъ огнемъ.

Обратимся опять къ рапорту начальника датскаго отряда:

«Батарею А вскорѣ заставили замолчать (хотя она была вооружена болѣе тяжелыми орудiями), но южная батарея В направляла свой огонь съ чрезвычайною мѣткостью противъ фрегата *Gefion*, и наша артиллерiя не въ состоянiи была, не смотря на всѣ усилiя, заставить замолчать эту батарею (*). Капитанъ Мейеръ просилъ сигналомъ пароходъ *Geiser* отбуксировать корму фрегата на вѣтеръ, такъ чтобы можно было завести вервь и повернуть правый бортъ судна къ батарее для болѣе успѣшной стрѣльбы. Паровой корветъ только успѣлъ вытянуть шпрингъ, какъ непрiятельскiй снарядъ порвалъ его. Я видѣлъ также, какъ капитанъ Мейеръ безуспѣшно подавалъ буксиръ съ носу; этой мѣрѣ командира *Gefion* я тѣмъ болѣе сочувствовалъ, что онъ незадолго передъ тѣмъ сигналами давалъ знать, что ему необходимо подкрѣпленiе людьми для продолженiя сраженiя. Но въ этотъ день, повидимому, мы были лишены всякаго счастья, необходимаго до извѣстной степени въ каждой борьбѣ для успѣшнаго доведенiя ея до конца. Ибо въ тотъ моментъ, какъ капитанъ-лейтенантъ Вульфъ закрѣпилъ буксиръ фрегата, онъ почти сейчасъ-же бросилъ его и направилъ курсъ на востокъ къ выходу изъ бухты, сигналируя, что *Geiser* настолько сильно поврежденъ, что долженъ подвергнуться починкѣ въ порту. Я тогда приказалъ ему выйти изъ огня».

(*) При медленномъ и мѣткомъ огнѣ, результаты были бы болѣе удачными.

Многочисленность войска на берегу, повидимому, наконецъ убѣдила Паллюдана въ невозможности десанта, и теперь только, но къ сожалѣнію уже поздно, онъ далъ сигналъ *Hekla* взять корабль на буксиръ. Съ нея отвѣтили сигналомъ: «Судно значительно повреждено».

«Теперь», говоритъ Паллюданъ, «осталось только верпованіемъ выйти изъ огня; это я надѣялся еще исполнить, такъ какъ вѣтеръ былъ довольно слабъ; но во время передвиженія вѣтеръ засвѣжѣлъ и съ фрегата *Gefion* донесли, что бѣгучій такелажъ такъ поврежденъ, что судно не въ состояніи вступить подъ паруса; кромѣ того, фрегатъ нуждался во врачѣ». Врача прислали съ командою въ 17 человекъ и верпованіе продолжалось при непрерывной стрѣльбѣ. Между тѣмъ было уже за полдень и «несмотря на всѣ наши старанія, намъ удалось сбить только одно орудіе на батарее В (*). Я послалъ лейтенанта Ульриха на берегъ, чтобы предложить со своей стороны прекратить огонь противъ батарей, если судамъ безпрепятственно будетъ дозволено выйти въ море; въ противномъ случаѣ, я угрожалъ разрушить городъ».

Нѣмцы приняли парламентаря и въ часъ пополудни окончилась стрѣльба. Наступило затишье, но затишье такое, какое бываетъ въ центрѣ урагана. Лейтенантъ Ульрихъ былъ задержанъ въ продолженіи 3 часовъ; этимъ временемъ нѣмцы воспользовались, для исправленія всѣхъ батарей, призыва полевой артиллеріи изъ Кіля и размѣщенія ея «съ большимъ вниманіемъ и осторожностью», какъ говорятъ сами нѣмцы, на высотахъ къ югу отъ города, откуда можно было обстрѣливать палубу судна 12-фунт. гранатами. *Gefion* подвигался весьма медленно, тѣмъ болѣе что вѣтеръ все крѣпчалъ. Линейный корабль, повидимому, въ продолженіи этихъ длинныхъ переговоровъ ничего не предпринималъ. Въ 4 часа вернулся парламентаръ съ отвѣтомъ, что на прекращеніе огня не согласны; если же желательно обстрѣливать городъ, то это вандализмъ, а бургомистръ заявилъ отъ имени города, что если отечество потребуетъ, то жители не устроятся бомбардировки.

(*) Объ этомъ нѣмецкіе источники ничего не упоминаютъ.

Около 4^{1/2} часовъ пополудни съ берега опять открыли оживленный огонь калеными ядрами.

Командоръ Паллюданъ говоритъ далѣе: «Линейный корабль расположенъ былъ такъ, что съ бортовъ можно было обстрѣливать батареи, а кормовыми орудіями городъ; вѣтеръ дулъ съ лѣвой стороны по траверзу судна (*), такъ что, если я вздумалъ бы предоставить фрегатъ на произволъ судьбы и вывести одинъ линейный корабль изъ огня, то могъ, прибавляя паруса и поднявъ становой якорь, верноваться и выйти такимъ образомъ, держа курсъ на югъ до поворота на правый галсъ. Къ выполненію этого плана я принужденъ былъ приступить, когда въ 4^{1/2} часа пополудни огонь былъ открытъ калеными ядрами съ батарей и замѣчено было прибытіе многочисленной полевой артиллеріи... Я приказалъ открыть огонь по артиллеріи орудіями праваго борта, а кормовыми орудіями по городу, прибавивъ въ то же время число парусовъ; только что я успѣлъ исполнить это и судно получило ходъ, какъ по намъ былъ открытъ такой огонь гранатами, что въ нѣсколько минутъ весь бѣгучій такелажъ гротъ-марселя былъ перебитъ, гротъ-марсель обстенился, такъ что судно не въ состояніи было удержать данное направленіе и очутилось вскорѣ близко къ берегу, въ точкѣ X, къ юго востоку отъ батарей В, на разстояніи 500—600 локтей отъ нея, т. е. на разстояніи прицѣльнаго выстрѣла (**). Раньше тѣмъ корабль сѣлъ на мель, *Gefion* спустилъ флагъ, и второй лейтенантъ Михельсенъ, вскорѣ послѣ того, прибылъ съ рапортомъ отъ капитана Мейера; капитанъ оправдывался въ своемъ дѣйствіи крайнею необходимостью, такъ какъ онъ не въ состояніи былъ больше защищаться, и на суднѣ съ каждымъ мгновеніемъ увеличивалось число убитыхъ и раненыхъ (***)».

(*) Повидимому дѣвъ вѣтеръ повернулъ къ NO.

(**) Вѣроятно здѣсь подразумѣвается шведскій локоть = 13,36 русскихъ вершка.

Примч. Переводч.

(***) Второй лейтенантъ Ведель-Ярсбергъ, въ своемъ официальномъ рапортѣ добавляетъ, что *Gefion* не имѣлъ болѣе ни одного заряда, сдѣлавъ около 80 выстрѣловъ изъ каждаго орудія. Странно, что объ этомъ начальникъ отряда не упоминаетъ вовсе.

«Когда *Christian VIII* сталъ на мель, на немъ небыло уже верновъ, да если бы они и были, то снять его съ мели было бы невозможно; потому что корабль былъ осыпанъ градомъ снарядовъ и каленыхъ ядеръ, изъ которыхъ почти каждый попадалъ въ корпусъ или рангоуть, нанося большой уронъ въ людяхъ; въ то же время доложили, что огонь вспыхнулъ съ правой стороны подъ фока-реей, въ трюмъ, въ 3 другихъ мѣстахъ на той же сторонѣ судна, немного выше и ближе къ кормѣ, а также въ бродкамерѣ, и что безъ содѣйствія всей команды пожаръ невозможно потушить. Убѣдившись въ справедливости донесеній, я составилъ совѣтъ изъ старшаго офицера капитанъ-лейтенанта Кригера, капитанъ-лейтенанта Марстранда и перваго лейтенанта Финнъ-Веделъ Ярлсберга (норвежскаго флота), командовавшаго палубною батареею. Всѣ были того мнѣнія, что дальнѣйшая борьба бесполезная жертва людьми, и что другаго исхода нѣтъ, какъ сдаться. Съ глубокою скорбью и тяжелымъ сердцемъ, я долженъ былъ согласиться съ ихъ мнѣніемъ и отдать въ 6 час. пополудни печальное приказаніе спустить флагъ»....

Открывъ водяные краны, всѣ бросились тушить пожаръ; уже начали справляться съ огнемъ, какъ вдругъ съ берега пришло приказаніе, чтобы командиръ судна и команда немедленно высадились бы, въ противномъ случаѣ стрѣльбу возобновятъ. Напрасны были всѣ доводы командоръ-капитана Паллюдана, и къ счастью,—мы это говоримъ отъ всего сердца, ибо этимъ датчане были спасены отъ горя видѣть 2 германскихъ флага, развивающимися на датскихъ корабляхъ. Старшій офицеръ остался на суднѣ, для наблюденія за высадкою, и Паллюданъ приказалъ ему заботиться о спасеніи команды, а «затѣмъ», какъ онъ выражается, «я съ грустью расстался съ моими храбрыми офицерами, командою и съ тѣмъ судномъ, командовать которымъ я считалъ за честь».

По прибытіи на берегъ, Паллюданъ былъ отвезенъ въ каретѣ адъютантомъ герцога Готскаго къ самому герцогу, который изысканно вѣжливо попросилъ его отдать шпагу. Паллю-

дану и капитану Мейеру (*), по ихъ показаніямъ, на слѣдующій день возвратили шпаги. Послѣ арестованія, Паллюдана отвели въ комнату, гдѣ онъ «съ большимъ безпокойствомъ» выжидалъ ходъ событій. «Въ сумеркахъ», говоритъ Паллюданъ далѣе въ своемъ рапортѣ, «между 7 и 8 часами, я услышалъ нѣсколько выстрѣловъ, и мнѣ сказали, что выстрѣлы были съ *Gefion*, командиръ котораго еще не высадился на берегъ. Все опять стихло, какъ вдругъ послѣдовали частые выстрѣлы и сейчасъ послѣ того раздался сильный взрывъ. Я повялъ, что линейный корабль *Christian VIII* взлетѣлъ на воздухъ (**), и я только молил Бога о томъ, чтобы жертвы катастрофы не были многочисленны. Мнѣ остается сожалѣть, что въ дѣйствительности, однакоже, потери отъ взрыва были велики, хотя съ точностью онѣ еще не выяснены».

Глубокое горе и сильное душевное волненіе были причиною этихъ словъ!

Изъ судовыхъ офицеровъ были убиты: капитанъ-лейтенанты Кригеръ и Марстрандъ, начальникъ десантнаго отряда капитанъ Холенбергъ, младшій врачъ Ибсенъ, кадетъ Браэмъ, лейтенантъ Бойе, нѣсколько унтеръ-офицеровъ и приблизительно 150—200 человекъ команды (***) не включая сюда раненыхъ. Второй лейтенантъ Ульрихъ былъ отвезенъ плѣннымъ на берегъ, но бѣжалъ во время суматохи послѣ взрыва. Переодѣтый крестьяниномъ, онъ возилъ непріятельскіе войсковые транспорты черезъ Шлезвигъ и пробрался благополучно въ Альзенъ.

Потери фрегата *Gefion* исчисляются съ достовѣрностью: убитыми 25, тяжело ранеными 28 и легко ранеными 80 человекъ. Въ числѣ тяжело раненыхъ находился первый лейтенантъ Скибстедтъ, которому оторвало ногу (****). О спасеніи перваго лейтенанта Финнъ-Ведела (Ярлсбергъ), командоръ-

(*) Германскія газеты распространили слухъ, что капитанъ Мейеръ застрѣлялся; этотъ рассказъ лишень всякаго основанія.

(**) Въ 7^{1/2} часовъ вечера.

(***) По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ потеря убитыми не превышала 78—80 челоз.

(****) Потери парохода *Nekla* опредѣлены въ 2 убитыхъ и 5 раненыхъ; пароходъ *Geiser*, бывшій довольно долго въ огнѣ, потерялъ, однакоже, всего 1 убитымъ и 9 ранеными. Весьма замѣчательно показаніе, что это судно къ 5 часамъ

капитанъ Паллюданъ сообщаетъ слѣдующія подробности, представляющія хладнокровіе Веделя въ особенно выгодномъ свѣтѣ:

«Отважный лейтенантъ Ведель Ярлсбергъ высадился со мною на берегъ, но вернулся опять на судно, чтобы руководить спасеніемъ людей; когда Ведель подошелъ къ судну, большое пламя взвилось вдругъ изъ носоваго люка, Ведель поспѣшилъ взять побольше людей въ шлюпку, но вдругъ раздался взрывъ, и судно взлетѣло на воздухъ. Рѣдкое присутствіе духа внушило Веделю единственное средство къ спасенію. Онъ прыгнулъ изъ шлюпки въ воду, нырнулъ, вынырнулъ и опять погрузился, чтобы спастись отъ падавшихъ кругомъ обломковъ; затѣмъ, по минованіи опасности, онъ поплылъ къ берегу и, какъ былъ, мокрый пришелъ ко мнѣ, чтобы рассказать всю ужасную правду».

Командоръ-капитанъ Паллюданъ оканчиваетъ свой рапортъ увѣреніемъ въ образцовомъ поведеніи офицеровъ и команды во время боя, жалуется на тяжелую судьбу и заявляетъ о своей готовности и даже желаніи подвергнуться военному суду. Рапортъ помѣченъ «Рендсборгъ, 8 апрѣля 1849».

Одинъ изъ очевидцевъ рассказываетъ, что огонь на суднѣ могъ быть потушенъ, и что этого уже достигали (что вполнѣ согласуется съ рапортомъ Паллюдана), но въ это время прибыла нѣмецкая шлюпка съ флагомъ, который хотѣли поднять на горящемъ суднѣ. Тогда, будто бы, капитанъ-лейтенантъ Кригеръ, извѣстный своею рѣшимостью и хладнокровіемъ, въ отчаяніи прибѣгъ къ послѣднему средству спасенія чести, взорвалъ друзей и враговъ на воздухъ. Трудно, во всякомъ случаѣ, понять, по какой причинѣ огонь вырвался съ такою силою изъ носоваго люка, по сосѣдству съ крѣпкой-камерой, если бы не намѣренный поджогъ. Поэтому рассказъ о Кригерѣ не лишень вѣроятности. Подобные поступки подвергаются не одинаковой оцѣнкѣ. Мы съ своей стороны отдаемъ геройскому подвигу Кригера должное уваженіе!

было повреждено лишь нѣсколькими снарядами и потеряло къ тому времени всего 1 убитымъ и 2 ранеными. Это показаніе дано вторымъ лейтенантомъ Ведель-Ярлсбергомъ въ его рапортѣ, поданномъ начальству норвежскаго флота.

Къ чести германцевъ слѣдуетъ отнести, ту поспѣшную готовность и истинную отвагу, съ которою они бросились на пылающее судно, чтобы спасти людей, не бывшихъ уже врагами. Многие сдѣлались несчастными жертвами своей неустрашимости, какъ напр. шлезвигъ-голландскій старшій фейерверкеръ Прейссеръ, командовавшій южною батареею, рѣшившею сраженіе. Городъ Экернбюргъ пострадалъ незначительно, при томъ болѣе всего южная часть его, отъ кормовыхъ орудій линейнаго корабля.

Германцы радовались своей побѣдѣ, что вполнѣ естественно; къ этому, по правдѣ сказать, они имѣли полное основаніе. Ихъ сухопутныя войска никогда даже не видали моря, не говоря уже о тѣхъ гордыхъ морскихъ твердыняхъ, съ которыми имъ пришлось сразиться. Будучи почти въ четыре раза слабѣе датчанъ въ отношеніи числа орудій, они одержали въ нѣсколько часовъ побѣду, уничтоживъ линейный корабль и взявъ большой фрегатъ, любимецъ датскаго флота, — *Gefion*, извѣстный своими прекрасными морскими качествами. Нѣмецкіе писатели не могли досыта нахвалиться храброю шлезвигъ-голландскою артиллеріею, которая 12-ю орудіями (*), и при томъ частью полевыми, добилась «столь прекраснаго результата»; о томъ, какъ теперь, снаряженный съ большими затратами и отплывшій съ столькими надеждами, гордый линейный корабль, лежитъ въ видѣ груды обломковъ, на песчаномъ берегу; и наконецъ о томъ, что *Gefion*, надежда Зеландіи, украшенъ германскими національными цвѣтами; на немъ нѣмецкій капитанъ замѣнилъ датскаго; нѣмецкая судовая команда направить датскія пушки противъ бывшихъ товарищей, если они еще покажутся у входа Экернфюрдской бухты. Всѣ эти и еще много другихъ варіацій на ту же тему, и выраженія радости о своей побѣдѣ, слышались въ то время въ Германіи. И эта побѣда одержана съ потерей во время боя 1 убитымъ и 13 легко ранеными.

Неслыханный примѣръ въ военной исторіи!

(*) Во время сраженія артиллерійскія силы увеличились до 20 орудій различнаго калибра.

Таковъ былъ этотъ роковой бой, второй несчастливый четвергъ Страстной недѣли (*). Потеря датчанъ была велика, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ еще болѣе въ нравственномъ. Померкъ блескъ, озарявшій датскій флотъ и его подвиги; боязливое почитаніе нѣмцами власти датчанъ на морѣ превратилось въ самонадѣянность и дерзость. Датскій народъ, конечно, съ горестью позналъ свое несчастіе. Но большими несчастіями испытывается мужество. Оно не исчезло. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣсколько трогательныхъ проявленій вѣрности и любви къ отечеству добраго стараго времени. Старый адмиралъ Голштейнъ, 91 года, бывший самъ въ сраженіи противъ англичанъ, которыми предводительствовалъ Нельсонъ въ 1801 г., въ четвергъ на Страстной недѣлѣ, такъ былъ опечаленъ несчастіемъ при Экернфёрде, что заплакалъ навзрыдъ и потушилъ слезами послѣднюю искру жизни въ дряхломъ своемъ тѣлѣ. Сражавшійся за свое дорогое отечество, онъ могъ теперь только умереть съ горя за него.

Нельзя отрицать, что надъ датскою эскадрою въ Экернфёрдскомъ заливѣ тяготѣлъ тяжелый рокъ, въ видѣ различныхъ неожиданныхъ и непредвидѣнныхъ несчастій, сыпавшихся со всѣхъ сторонъ и содѣйствовавшихъ въ значительной степени печальному исходу; но съ другой стороны, нельзя не сознаться, что пытливому взору открывається много ошибокъ, какъ во всемъ задуманномъ планѣ, такъ и въ выполненіи. Мы постараемся выяснитъ нѣкоторыя изъ нихъ, даже подвергаясь риску выслушать пресловутое и въ сущности вѣрное замѣчаніе: «легко судить свершившееся».

Какая была цѣль экспедиціи? Намѣревались ли разгромить германскія береговыя батареи? Но для этого не нужно было столько силъ. Для достиженія цѣли не слѣдуетъ употреблять больше средствъ, чѣмъ нужно, и вводить больше силъ въ сраженіе, чѣмъ сколько ихъ можно развить. Что бы сказали на сушѣ, если бы для снятія пикета вывели цѣлый армейскій корпусъ?

(*) Сраженіе при Копенгагенѣ (противъ англичанъ) происходило 2 апрѣля 1801 г., въ четвергъ на Страстной недѣлѣ.

Разрушеніе нѣсколькихъ береговыхъ батарей, само по себѣ, не въ связи съ другими планами, не представляетъ собою стратегической цѣли.

Заключалась-ли цѣль въ разрушеніи города Экернфёрде? Но стоилъ ли такой незначительный городъ, съ малою торговлею и безъ всякаго военнаго значенія, въ смыслѣ позиціи, такихъ большихъ усилій и такого риска, когда весь результатъ сводился къ его сожженію и разрушенію? Если датчане намѣревались высадиться на берегъ, что всего вѣроятнѣе, то имъ слѣдовало бы имѣть сухопутный десантъ, или вѣрнѣе, цѣлый отрядъ для высадки? Между тѣмъ, въ ихъ распоряженіи было всего 200 человекъ, или, выражаясь словами командора-капитана Паллюдава, рота солдатъ на 3 ботахъ, буксирныхъ парохомомъ *Geiser*. И эти силы не входили даже въ заливъ. Если бы даже датчане имѣли въ своемъ распоряженіи отрядъ въ 2000 человекъ, то взявъ открытый городъ, пришлось бы создать оборону его, къ тому времени, какъ непріятель собралъ бы силу, въ нѣсколько разъ большую имѣвшейся въ распоряженіи датчанъ. Положеніе отряда, высаженнаго на берегъ, оказалось бы тогда весьма опаснымъ, въ виду залива, открытаго морскому вѣтру, ибо посадка отряда обратно на суда могла бы сдѣлаться затруднительною, въ предположеніи, на примѣръ, занятія непріятелемъ соседнихъ командующихъ высотъ.

Поэтому мы полагаемъ, что можно противопоставить много основательныхъ замѣчаній всему предпріятію, и притомъ замѣчаній, не касающихся вовсе командира линейнаго корабля. Но и самое выполненіе можетъ подвергаться при спокойномъ обсужденіи нѣкоторой критикѣ.

Развѣ, на примѣръ, было осторожно войти, при вѣтрѣ съ моря, съ столь большими судами въ подобную узкость? Развѣ не опрометчиво было пуститься на такое предпріятіе съ командою, столь слабо обученною, какъ въ смыслѣ маневрированія, такъ и въ смыслѣ артиллерійскаго ученія и стрѣльбы, что обнаружилось весьма ясно во время боя, когда большинство датскихъ снарядовъ давали перелеты и были найдены разбросанными по окрестнымъ высотамъ. Изъ 8000 снарядовъ,

въ батареѣ В и около нея нашли всего 200. По нашему мнѣнію, разумнѣе было бы войти въ заливъ съ одними паровыми судами, даже при всей опасности, угрожающей колеснымъ пароходамъ,—и рѣдкими, но мѣткими выстрѣлами на большомъ разстояніи, заставить замолчать батареи и затѣмъ уже приступить къ высадкѣ на берегъ сухопутныхъ войскъ со всѣхъ судовъ отряда, если вообще встрѣтилась бы въ томъ надобность. Если предпочитали вводить въ дѣло тяжелую артиллерию парусныхъ судовъ, то не слѣдовало вовсе подвергать пароходы непріятельскому огню, для того чтобы воспользоваться ими только въ случаѣ особой надобности, а не такъ какъ въ данномъ случаѣ, когда ихъ призывали на помощь уже поврежденныхъ. Если бы *Necla* была безъ поврежденій, линейный корабль вѣроятно и выбрался бы. Слѣдовало ли паруснымъ судамъ войти за линію между батареями, въ узкій «cul de sac», гдѣ они не могли поднять якорь, не рискуя сѣсть на мель, гдѣ пароходы подвергались большой опасности, когда должны были подходить, чтобы взять на буксирь (см. участіе *Geiser* въ сраженіи), и гдѣ наконецъ суда были, какъ въ корытѣ, окружены огнемъ со всѣхъ сторонъ, при чемъ огонь непріятеля шелъ отъ периферіи къ центру, между тѣмъ какъ орудія датчанъ направлялись изъ центра по радіусамъ? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить: «нѣтъ», что и подтверждается злополучными результатами Экернфёрдскаго дѣла. По нашему разумнѣю датчанамъ надлежало начать бой съ большого разстоянія, заставить замолчать сначала сѣверную батарею, съ крайняго ея фланга, и затѣмъ уже вдоль южнаго берега атаковать батарею В и городъ. Тогда одержали бы верхъ датчане, а не германцы. Но легко судить о прошломъ!

Переговоры на берегу въ полдень, также пригодились германцамъ; они не только поправили свои укрѣпленія и поставили сбитыя орудія, но кромѣ того, еще вырыли въ продолженіи 3 часовъ печи для каленія ядеръ, которыя и рѣшили исходъ борьбы, не смотря на малый калибръ ихъ (18-фунт.). Датчане же не выиграли отъ этихъ переговоровъ. Кто переговаривается при такихъ обстоятельствахъ, тотъ уже на половину признаетъ себя побѣжденнымъ.

Этотъ несчастливый бой поучителенъ еще въ другомъ отношеніи: въ немъ были примѣнены вновь каленныя ядра, не употреблявшіяся уже давно, со времени введенія бомбическихъ орудій. Въ этомъ сраженіи бомбы не оказали большого дѣйствія, такъ какъ орудія были сбиты выстрѣлами съ лѣваго борта линейнаго корабля (въ 9½ час. утра). Обыкновенныя ядра малаго калибра, въ относительно короткое время нанесли столько вреда обоимъ паровымъ корветамъ, что они стали неспособны къ продолженію боя. Это указывало уже въ то время на необходимость ставить судовыя машины и котлы ниже ватерлиніи, иначе говоря,—перейти къ винтовымъ судамъ! Германская артиллерія, повидимому, была прекрасно руководима и стрѣляла медленно, но мѣтко. Въ корпусъ парохода *Geiser* до выхода его изъ боя, попало 36 снарядовъ, въ томъ числѣ 10 въ ватерлинію; 1 ядро ударило въ эксцентрикъ и парализовало совершенно дѣйствіе машины. Всѣ эти снаряды оказались не больше 18-фунт. калибра.

Датчане имѣли гораздо меньшую вѣроятность попадать въ цѣль, такъ какъ въ заливѣ дулъ вѣтеръ съ моря. Обученной команды было слишкомъ мало, да и то съ недостаточною подготовкою. Хотя наборъ и даетъ хорошихъ моряковъ, но военныхъ матросовъ и комендоровъ нельзя создать въ 8 дней. Пусть это научитъ и насъ важности стрѣльбы въ цѣль на морѣ и необходимости имѣть и въ мирное время многочисленный, всегда готовый къ бою кадръ.

II (*).

Экернфёрдскій заливъ защищался двумя береговыми батареями: сѣвѣрною и южною. Первая находилась около Луизенберга, въ 20 мил. разстоянія отъ Экернфёрде. Эта батарея была вооружена двумя 64-фунт. чугунными бомбическими орудіями, двумя 24-фунт. и двумя 18-фунт. чугунными пушками;

(*) Изъ записокъ Эрнста II, герцога Саксен-Кобургъ-Готскаго: «Aus meinem Leben und aus meiner Zeit», Berlin, 1888, т. I, стр. 386—402.

прислуга состояла изъ 40 шлезвигъ-голландскихъ артиллеристовъ.

Южная батарея, въ 5—600 шагахъ отъ города, была вооружена 4-мя 18-фунт. чугунными орудіями; прислуга состояла изъ 30 шлезвигъ-голландскихъ артиллеристовъ.

Капитанъ Юнгманъ, прежде на королевской прусской службѣ, позднѣе инструкторъ турецкой арміи, вернувшись на родину нѣсколько недѣль тому назадъ, командовалъ артиллеріею, состоявшей большею частью изъ новобранцевъ.

Въ Экерифёрде стоялъ еще 3-ій шлезвигъ-голландскій резервный баталіонъ (подъ командою капитана Ирмингера), который, за вычетомъ роты, отосланной въ Фридрихсортъ, состоялъ изъ 600 человекъ, тоже большею частью новобранцевъ, при одномъ офицерѣ на роту. Обязанности коменданта города исполнялъ шлезвигъ-голландскій капитанъ Вигандъ...

Когда я вернулся 4 апрѣля изъ Фридрихсорта въ Гетторфъ, столяръ Кализенъ (устроившій оптический телеграфъ между Гетторфомъ и Килемъ, при чемъ въ Гетторфѣ станціею служила церковная колокольня) извѣстилъ меня, что значительный датскій морской отрядъ направляется отъ Альзендъ къ Кильской бухтѣ; онъ распозналъ въ числѣ судовъ линейный корабль *Christian VIII* и насчиталъ еще по меньшей мѣрѣ 9 вѣселовъ. 48-пушечный фрегатъ *Gefion*, подъ командою капитана Мейера, блокировалъ уже съ 3 апрѣля порты Киль и Экерифёрде. Я не сомнѣвался ни одной минуты въ томъ, что непріятель соединилъ столь большія морскія силы для десанта. Позже высказывалась часто мысль, что датчане вовсе не желали высадиться, а только намѣревались устроить демонстрацію, съ цѣлью замедлить наступленіе прусскихъ войскъ и тѣмъ временемъ напасть на шлезвигъ-голландскую армію, выстроенную на сѣверѣ. Допущеніе, однакоже, такого обманнаго движенія, противорѣчитъ совершенно показаніямъ командоръ-капитана Палюдана на датскомъ военномъ судѣ, учрежденномъ по поводу Экерифёрдскаго пораженія.

Въ моемъ убѣжденіи, что непріятель намѣревается дѣйствительно атаковать, я утвердился все болѣе и болѣе получаемыми со всѣхъ сторонъ донесеніями, дѣлавшимися все со-

гласнѣе между собою и болѣе подробными (*). Послѣ 9 часовъ прибыло первое извѣстіе отъ Фридрихсортскаго коменданта, капитана Ф. Тхошескаго, слѣдующаго содержания: «Комендантское управленіе крѣпости Фридрихсортъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія Вашего Высочества, что сегодня подъ вечеръ 9 непріятельскихъ военныхъ судовъ стали на якорь къ югу отъ залива Шлей, у Шлезвигскаго берега, а именно: 1 фрегатъ, 1 куттербригъ, 2 корвета, 2 парохода, 3 канонерки или транспортныхъ судна. Повидимому, непріятель хочетъ высадиться. Пока настоящій вѣтеръ будетъ дуть, высадка наврядъ ли будетъ имѣть мѣсто по сую сторону Нёръ, на шлезвигскомъ берегу. Въ Экерифёрдскомъ же заливѣ, по ту сторону Нёръ, высадка и теперь возможна». Прочія донесенія частью вполне согласовались, частью дополняли вышеприведенное донесеніе; эти донесенія были доставлены отъ командира Рейсскаго баталіона (въ Экерифёрде и окрестностяхъ его), отъ батареи въ Лабѣ, отъ командира полевого пикета изъ Нёръ, отъ секретаря принца Фридриха изъ замка Нёръ и отъ майора Іесса, коменданта г. Киль. Всѣ извѣстія констатировали присутствіе линейнаго корабля *Christian VIII*, въ числѣ судовъ отряда, а также нѣсколькихъ транспортныхъ судовъ съ сухопутными войсками.

Въ 11 часовъ ночи были отданы слѣдующія распоряженія. Рейскій баталіонъ остается въ Экерифёрде, откуда 2 роты стоящаго тамъ шлезвигъ-голландскаго резервнаго баталіона отряжаются для прикрытія сѣверной батареи. Кобургъ-Готскій баталіонъ (стоявшій около Гетторфа) передвигается къ берегу, къ рощѣ Шнелмаркъ, въ сопровожденіи Нассауской батареи; Мейнингенскій баталіонъ (стоявшій въ селеніяхъ Виттенбекъ)

(*) По отчету датскаго военного суда, командоръ-капитану Палюдану ставилось на видъ, что 4 или 5 апрѣля преклае приказаніе высадиться, или по крайней мѣрѣ разрушить укрѣпленія у Экерифёрде, было отмѣнено по той причинѣ, что предполагавшееся одновременно при Сундеведѣ нападеніе не имѣло мѣста. Такъ какъ Палюданъ объяснилъ суду, что онъ этого втораго приказанія не получилъ, то нѣтъ болѣе сомнѣній въ томъ, что Экерифёрдское дѣло слѣдуетъ обсуждать на основаніи перваго приказанія, т. е. какъ вполне серьезную атаку, а не какъ простую демонстрацію.

передвигается въ Гетторфъ, частью въ качествѣ резерва для Экерифердской позиціи, частью чтобы тотчасъ отправиться въ Киль, въ случаѣ нападенія непріятеля на этотъ городъ.

Полковникъ Ф. Трейтчке (*), съ своимъ адъютантомъ фонъ-Штиглицъ, тѣмъ временемъ поѣхалъ верхомъ на берегъ, у Ашау, чтобы лично убѣдиться въ вѣрности донесеній. При лунномъ свѣтѣ, ночью, онъ ясно видѣлъ стоявшій на якорѣ датскій отрядъ. Такъ какъ высадку непріятеля можно было ожидать рано утромъ, то я съ своимъ баталіономъ (Кобургъ-Гота) двинулся уже въ полночь къ берегу (см. выше). Послѣ того какъ баталіонъ въ 3 часа утра занялъ позицію, я отправился въ Экериферде, прямо на сѣверную батарею, гдѣ засталъ капитана Юнгмана, готовившагося къ бою, и отдалъ ему послѣднія распоряженія. Какъ выяснилось послѣ, изъ обнаруженныхъ документовъ командоръ-капитана Паллюдана, онъ получилъ на самомъ дѣлѣ приказъ и дѣйствительно намѣревался произвести въ 3 часа утра высадку датскихъ войскъ. Десантъ, однакоже, не состоялся, потому что Паллюданъ, извѣщенный съ шлезвигскаго берега, узналъ о нашихъ передвиженіяхъ ночью.

На разсвѣтѣ полагали поэтому, что датчане уклоняются отъ боя, и что военныя суда уйдутъ опять въ море.

Когда утренній туманъ началъ сходить и отрядъ сталъ яснѣе видѣнъ, нѣсколько судовъ казалось готовились выйти въ море, и мы полагали всѣ опасенія за Экериферде уже излишними. Отъ сѣверной батареи я отправился къ берегу, съ намѣреніемъ остаться тамъ до полной увѣренности объ уходѣ судовъ. Тогда только можно было распорядиться о занятіи войсками своихъ прежнихъ мѣстъ стоянки.

Суждено было, однакоже, иначе. Линейный корабль *Christian VIII*, фрегатъ *Gefion* и оба парохода, *Geiser* и *Hekla*, стали приближаться къ берегу. Не было болѣе сомнѣній, что отрядъ намѣревался произвести нападеніе на сѣверную батарею Экерифердскаго порта. Въ 7^{1/2} ч. утра суда приблизились на разстояніе пушечнаго выстрѣла. Первый

(*). Начальникъ штаба герцога.

выстрѣлъ раздался съ сѣверной батареи, послѣ чего разразился убійственный огонь со всѣхъ четырехъ судовъ, вооруженныхъ вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ, 156 орудіями.

На сѣверной батарее, бывшей цѣлью нападенія, капитанъ Юнгманъ съ своими необученными артиллеристами возбуждалъ наше изумленіе; стрѣльба по судамъ производилась съ полнымъ спокойствіемъ и мѣткостью. Въ роцѣ Шнелмаркъ, капитанъ Мюллеръ съ 4 орудіями занялъ хорошую позицію и могъ отсюда, по крайней мѣрѣ, въ продолженіи часа энергично поддерживать сѣверную батарею.

Одинъ изъ пароходовъ, а именно *Geiser*, приблизился на столько къ сферѣ огня, что вскорѣ съ сильнымъ поврежденіемъ долженъ былъ выйти въ море, и вообще потомъ могъ только оказывать весьма незначительныя услуги. Нассауская батарея и Готскій баталіонъ, стоявшій подъ прикрытіемъ, не понесли большого урона. Картечные выстрѣлы съ судовъ давали недолетъ, а ядра и гранаты перелетѣли.

Сѣверная батарея, въ свою очередь, сильно пострадала отъ непрерывнаго огня корабля и фрегата, и принуждена была замолчать.

Дальнѣйшее описаніе хода сраженія и моего личнаго участія въ бою, я предоставляю полковнику Ф. Трейтчке, который въ своемъ рапортѣ къ саксонскому военному министру пишетъ слѣдующее (*):

(*). Навѣстанный рапортъ полковника фонъ-Трейтчке до такой степени точно дополняется и подтверждается фактами, выясненными на датскомъ военномъ судѣ, что я считаю долгомъ сравнить оба документа. Изъ этихъ отчетовъ видно, что иногда участіе резервной бригады (баталіоны Мейнингенъ, Кобургъ-Гота и Рейссъ и Нассауская батарея) не признается въ достаточной мѣрѣ. Я ни сколько не хочу умалить чрезвычайныхъ заслугъ капитана Ф. Юнгмана и унтеръ-офицера Прейсера въ этотъ день, но утверждаю всетаки, что въ большинствѣ описаній слишкомъ мало отводится мѣста капитану Мюллеру. Военно-судный отчетъ описываетъ ходъ боя съ вышеупомянутого момента слѣдующимъ образомъ: «По показанію командоръ-капитана Паллюдана, корабль находился въ разстояніи 850 локтей отъ батареи В (южной батареи) и 1850 локтей отъ батареи А (сѣверной батареи); это положеніе было сохранено въ продолженіи всего боя. Нѣкоторые объясненія при слѣдствіи, однакоже, указываютъ на то, что корабль подрейфовалъ на береговую отмель».

Капитану Мейеру, командовавшему фрегатомъ, командоръ-капитанъ Паллюданъ предоставилъ выборъ: или встать на шпрингъ лѣваго становаго якоря, или

«Приблизительно въ 10 ч., два орудія Нассауской батареи выѣхали на позицію между городомъ и сѣвѣрною батареею, т. е. уже не на то мѣсто, которое ранѣе было предназначено. Оба орудія открыли огонь по кораблю; тотъ въ свою очередь направилъ пушки на нихъ. Полевые орудія, по причинѣ большого разстоянія и малаго калибра, не въ состояніи были сильно вредить кораблю. Отвлеченіе корабля этими двумя орудіями слѣдуетъ считать особенно счастливымъ обстоятельствомъ для сѣвѣрной батареи; она воспользовалась получасовымъ покоемъ для приведенія въ порядокъ трехъ поврежденныхъ орудій».

на вертѣ съ кормы; черезъ $\frac{1}{4}$ часа послѣ занятія кораблемъ позиціи, фрегатъ сталъ на якорь впереди его. Фрегатъ отдалъ правый якорь, выпустилъ 30 сажень канату на клюзъ, имѣя шпрингъ съ лѣвой стороны. Затѣмъ фрегатъ открылъ сильный огонь по батареямъ съ обѣихъ сторонъ. Батарею А вскорѣ заставили замолчать, такъ что въ промежутокъ времени отъ 8 ч. 15 м. до 11 ч., съ нея раздавались лишь рѣдкіе выстрѣлы. Когда же наконецъ огонь здѣсь почти совсѣмъ прекратился, съ сѣвѣрной стороны стали стрѣлять по судамъ изъ нѣсколькихъ полевыхъ орудій, въ составленныя позды кустарника, къ сѣверу отъ А. Батарею В. огонь которой былъ преимущественно направленъ противъ фрегата, непріятель, не смотря на всѣ старанія, не въ состояніи былъ заставить замолчать.

Какъ видно изъ различныхъ показаній, сильный огонь поддерживался такимъ образомъ въ продолженіи $\frac{1}{2}$ часа, послѣ чего фрегатъ *Gefion* измѣнилъ положеніе, началъ дрейфовать и повернулся кормою къ батарее В. Послѣдняя стала тогда обстрѣлывать судно вдоль, чѣмъ причинила большой уронъ фрегату, который могъ только защищаться кормовыми орудіями. Непріятель пытался придти на шпрингъ, вытравивъ канату до 50 сажень на клюзъ, но ему не удалось уже привести фрегатъ въ прежнее положеніе. Чтобы предупредить дрейфованіе фрегата на корабль, былъ завезенъ якорь и данъ сигналъ въ 8 ч. 30 м. (какъ то видно по журналу *Geiser*'а) послѣднему пароходу, подтянуть корму фрегата на столько на вѣтеръ, чтобы можно было встать на шпрингъ.

Капитанъ-лейтенантъ Вульфъ отправился на вышеназванномъ пароходѣ, повернувшись на пути сильному обстрѣливанію съ батареи В, немедленно изъ фрегату, принявъ буксиръ съ кормы, но буксиръ лопнулъ или былъ перебитъ. Попытка была повторена вскорѣ, а именно въ 8 ч. 45 м., и прекращена потому, что подлагали ее уже лишнею; пароходъ послѣ этого вернулся на свое прежнее мѣсто, къ юго-востоку отъ батареи В, откуда онъ открылъ огонь, какъ противъ этой батареи, такъ и противъ орудій, помѣщенныхъ къ югу отъ батареи В. По истеченіи получаса удалось дѣйствительно повернуть фрегатъ, но въ этотъ промежутокъ времени судно пострадало сильно отъ продольныхъ выстрѣловъ. Оно оборонялось лишь кормовыми орудіями, изъ которыхъ одно шканечное было сбито, а у одного орудія лѣваго борта въ батарее были перебиты блоки и тали.

«Послѣ четырехъ-часоваго боя корабль повернулся больше къ южной батарее, при чемъ приблизился къ городу шаговъ на 600; *Gefion* послѣдовалъ его примѣру и оба судна вмѣстѣ осыпали южную батарею и городъ всякаго рода снарядами».

«Въ это мгновеніе высадка была возможна и потому бригадный командиръ самъ (герцогъ Эрнстъ Кобургъ-Готскій), въ сопровожденіи одного лишь адъютанта капитана Ф. Штиглица, вывелъ впередъ Рейсскаго баталіонъ, выстроенный за городомъ; баталіонъ шелъ подъ сильнымъ огнемъ вдоль бе-

Уже въ 10 ч. на фрегатѣ было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ; въ это время корабль не пострадалъ еще столько. При продолженіи боя рангоутъ фрегата былъ сильно перебитъ. Принимая во вниманіе значительное и опасное положеніе фрегата и сознавая невозможность сбить батарею В, такъ какъ по берегу стали показываться войска и полевые батареи, стрѣлявшія съ различныхъ пунктовъ по судамъ, командоръ-капитанъ нашелъ нужнымъ вывести суда изъ огня послѣ двухъ-часоваго непрерывнаго боя. Въ 10 ч. онъ далъ сигналъ пароходу *Hekla* приблизиться и взять линейный корабль на буксиръ. Когда пароходъ сталъ наискось кораблю, въ рулевой баллеръ, надъ ватерлиніею, съ каждой стороны попало по снаряду, такъ что баллеръ и рулевую петлю пробилъ насквозь. Это принудило капитана Амлунда (Альхлундъ?) выйти изъ сферы огня и направиться къ югу, чтобы поправить поврежденіе, встать на якорь.

Такъ какъ Паллюданъ полагалъ возможнымъ вывести суда изъ подъ выстрѣловъ верпованіемъ, то предпринятіе съ этою цѣлью маневры описаны далѣе въ отчетѣ. Но попытки эти не увѣнчались успѣхомъ и *Hekla* и *Geiser*, по исправленіи своихъ поврежденій, были еще два раза призваны для буксированія корабля и фрегата. Въ машинное отдѣленіе *Geiser*'а попалъ снарядъ; *Hekla* предприняла еще попытку, но принуждена была идти обратно, вслѣдствіе того, что батарея А снова начала дѣйствовать. Капитанъ Амлундъ позже высказалъ, что онъ, какъ опытный командиръ буксирныхъ судовъ, не считалъ возможнымъ при марсельномъ вѣтрѣ вывести суда изъ сферы огня, даже если бы пароходъ былъ вполне исправенъ. На судѣ было выражено много разнорѣчныхъ мнѣній по поводу того, не могла ли *Hekla* все-таки придти на помощь. Военно-судный отчетъ приписываетъ причину послѣдующей катастрофы уходу *Hekla*. Тотчасъ послѣ возобновленія боя, фрегатъ убѣдился въ своей боевой неспособности и стали совѣщаться о томъ, не поставить ли судно на мель; это намѣреніе, однакоже, было оставлено, ибо въ случаѣ выполненія его, линейный корабль не въ состояніи былъ бы выйти изъ огня и фрегатъ навалилъ бы почти навѣрное на него.

Въ результатѣ я считаю долгомъ замѣтить, что причина, лишившая пароходы возможности оказать помощь нарушеннымъ судамъ, заключалась въ мѣткой стрѣльбѣ полевыхъ батарей. Во всякомъ случаѣ, военно-судное слѣдствіе доказываетъ, что Г. фонъ Трейтцле составилъ рапортъ саксонскому военному министерству, относясь вполне объективно, безъ всякаго предвзятаго желанія выдвинуть заслуги отряда, состоявшаго подъ моимъ непосредственнымъ командованіемъ.

реговой насыпи; здѣсь баталіонъ остался до конца сраженія. У вѣтряной мельницы Борби, близъ города, гдѣ бригадный командиръ оставался до окончанія сраженія, его, какъ разсказывали послѣ плѣнные офицеры, узнали съ судовъ; герцогъ съ своею свитою былъ осыпанъ градомъ снарядовъ. Затѣмъ герцогъ отправился къ войскамъ на южный берегъ, куда, однакоже, пришлось пробираться окольными путями, такъ какъ дорога по берегу была открыта убійственному дѣйствию непріятельскаго огня. Эта непрерывная канонада продолжалась далеко за часъ пополудни. Ясно было, однакоже, что суда, зашедшія слишкомъ глубоко въ портъ, могли лишь съ большими затрудненіями, при усиливающемся восточномъ вѣтрѣ, выбраться обратно въ море, и потому находились въ невыгодномъ положеніи. На линейномъ кораблѣ въ это время взвился бѣлый флагъ».

«Командующему шлезвигскою артиллеріею, черезъ парламента было передано предложеніе командоръ-капитана Паллудана о свободномъ отступленіи судовъ; въ противномъ случаѣ непріятель угрожалъ поджечь городъ снарядами и возлагалъ всю отвѣтственность по этому дѣлу на командующаго германскими войсками».

«Отвѣтъ гласилъ: стрѣлять въ беззащитный городъ противно международному праву; отвѣтственность за такой поступокъ падаетъ всецѣло на командующаго датскою флотиліею. Огонь будетъ вскорѣ возобновленъ и продолжаться до послѣдняго снаряда».

«Наступившее перемиріе было для насъ весьма желательно; оно давало нашимъ береговымъ батареямъ время приготовиться къ дальнѣйшему бою, дало возможность командиру бригады вступить вновь въ сообщеніе съ городомъ и обдумать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, для продолженія боя».

«Ближайшая мѣра могла заключаться лишь въ приказаніи нассауской батареи занять позицію на берегу, близъ южныхъ воротъ города Экерифѣрде; расположеніе батареи въ этомъ мѣстѣ угрожало большою опасностью судамъ. Рѣшиться на эту мѣру было трудно, хотя затруднительное положеніе

датскихъ судовъ и было извѣстно, но за продолжительность этого нельзя было ручаться».

«Батарея принуждена была совершить большую часть пути вдоль берега безъ прикрытія; она могла пользоваться только на незначительномъ разстояніи обходною дорогою. Если по этому огонь нашихъ береговыхъ батарей отерлся бы слишкомъ рано, или датчане спустили бы бѣлый флагъ, батарея пострадала бы сильно и наврядъ ли достигла бы предназначенной для нея позиціи».

«Но счастье уже и такъ благопріятствовало намъ; можно было рискнуть; рѣшеніе было принято и выполнено благополучно».

«Командиръ Нассауской батареи, капитанъ Мюллеръ, исполнилъ возложенное на него порученіе съ большою рѣшительностью. Онъ счастливо достигъ города и выѣхалъ на позицію позади береговой насыпи. Поверхность насыпи была очищена, лошади отведены позади домовъ. Батарея очутилась въ 450 шагахъ отъ борта линейнаго корабля. Нассауцы только что успѣли занять позицію, какъ огонь возобновился въ 4 часа съ батареею почти одновременно».

«Нассауская батарея предварительно очистила картечью палубу и повредила мачты корабля, который стрѣляя залпами старался удалиться отъ берега. Онъ достигъ этого лишь на нѣсколько сотъ сажень и то при прострѣленныхъ парусахъ и рангоутѣ. Далѣе корабль сѣлъ на мель и подвергся уже безпощадному дѣйствию огня всѣхъ трехъ батарей».

«Фрегатъ расположился очень несчастливо; корма была обращена къ сѣверной батарее и судно вслѣдствіе этого получило много продольныхъ выстрѣловъ. Фрегатъ не принималъ уже участія въ бою, послѣ того какъ буксиръ парохода, старавшагося его оттащить, былъ два раза перебитъ, и самъ пароходъ, поврежденный, вышелъ въ открытое море».

Такъ гласилъ рапортъ начальника генеральнаго штаба, при моемъ отрядѣ, о кровопролитномъ морскомъ сраженіи, окончившемся такъ несчастливо для датчанъ. Что касается моихъ личныхъ впечатлѣній въ продолженіи этихъ возбуждающихъ ча-

совъ, то они занесены на страницахъ письма къ родственникамъ въ Англию, сообщаемого въ концѣ этой записки.

Здѣсь я въ немногихъ словахъ опишу конецъ Экерифёрдскаго дѣла: Было половина седьмого, когда Нассауская батарея рапортовала мнѣ, что командоръ-капитанъ Паллюданъ согласенъ на капитуляцію, спустивъ предварительно флагъ на линейномъ кораблѣ, вслѣдствіе чего огонь прекращенъ съ обѣихъ сторонъ.

Когда я прибылъ къ берегу, около южной батареи собралось ликующее населеніе города и окрестностей. Общее возбужденіе было такъ велико, что затрудняло даже исполненіе необходимыхъ распоряженій. Горожане и солдаты плакали и ликовали одновременно. Когда я подошелъ къ Нассауской батарее, бравый капитанъ Мюллеръ потерялъ совершенно самообладаніе и, забывая всякую военную дисциплину, бросился мнѣ на шею.

Начали высаживать команду обоихъ судовъ на берегъ; это шло довольно медленно, за неимѣніемъ необходимыхъ для этого приспособленій. Настала ночь, когда замѣтили, что линейный корабль горитъ. Невозможно было спасти судно; я долженъ былъ ограничиться лишь оказаніемъ помощи командѣ и раненымъ, насколько было возможно. Вообще трудно было разобрать, чьи приказанія подлежали исполненію: управленіе городомъ, гаванмейстеръ, начальники отдѣльныхъ частей войскъ въ Экерифёрде—всѣ распоряжались.

Всѣ цѣлесообразныя мѣры, которыя мнѣ удалось провести, были исполнены больше изъ вниманія ко мнѣ лично, нежели изъ уваженія къ моему военному чину. Чтобы, однакоже, сохранить внѣшній порядокъ, я приказалъ части Рейскаго баталіона выстроиться на берегу. Позднѣе ночью, послѣ неизбежной катастрофы корабля, часть этого отряда, въ свою очередь, была перевезена на фрегатъ *Gefion* для охраны его.

Тѣмъ временемъ я вернулся въ городъ и пригласилъ къ себѣ командоръ-капитана Паллюдана, равно какъ и капитана Мейера; командиры судовъ, въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ, вскорѣ явились ко мнѣ и передали свои шпаги. Я

пригласилъ плѣнныхъ офицеровъ къ чаю и возвратилъ имъ на слѣдующій день шпаги.

Я однакоже, не могу утверждать, чтобы характеристика Паллюдана послѣ потеряннаго сраженія, была бы вполнѣ вѣрна; его описывали иногда потрясеннымъ, униженнымъ,—я былъ, напротивъ, удивленъ тѣмъ равнодушіемъ, съ которымъ датчане относились къ своему поражению или, можетъ быть, притворялись, что относятся. Они, повидимому, смотрѣли на свое несчастіе, какъ на вполнѣ обыденное явленіе, и утѣшались, какъ король Филиппъ у Шиллера, по поводу гибели непобѣдимой армады (*).

Помимо потери лучшихъ судовъ, Данія лишилась при Экерифёрде большинства своихъ опытнѣйшихъ моряковъ.

Безконечною вереницею тянулись шлюпки къ судамъ и отъ судовъ, занятая перевозкою плѣнныхъ матросовъ и солдатовъ на берегъ. 44 офицера и 981 человекъ нижнихъ чиновъ были спасены со всею амунициею и имуществомъ. Но на *Christian VIII* все еще оставалось много народу, какъ одновременно изъ всѣхъ люковъ корабля вырвалось пламя. Вдругъ разрядилось нѣсколько орудій на кораблѣ и вскорѣ послѣдовалъ страшный взрывъ, сопровождаемый громаднымъ огненнымъ столбомъ. Куски дерева, желѣзные осколки, цѣлые обломки судна, орудія и части ихъ, взлетѣли на воздухъ и покрыли берегъ и бушующія волны. Слѣдуетъ почитать за чудо, что изъ всѣхъ лицъ, стоявшихъ на берегу въ порту, никто не былъ убитъ. Тысячи пламенныхъ языковъ освѣщали потрясающее зрѣлище; каленныя ядра валялись на берегу рядомъ съ горящими балками и другими вещами. Лопаящіяся гранаты и взрывающіеся заряды грохотали и хлопали. Когда шумъ стихій умолкъ, слышались крики ужаса ищущихъ спасенія матросовъ, вступившихъ въ послѣднюю борьбу въ этотъ день страха съ морскими волнами.

Между многочисленными жертвами катастрофы находился

(*) Такъ какъ у насъ не было судовъ, то защита завоеваннаго фрегата, въ случаѣ повторенія нападешя датчанъ, становилась дѣломъ сухопутныхъ войскъ и береговыхъ батарей.

датскій лейтенантъ Кригеръ, а съ нашей стороны храбрый командиръ южной батареи фельдфебель Прейссеръ, котораго судьба такъ часто описана и воспѣта. Но причиною его смерти былъ недостатокъ военной дисциплины; Прейссеръ отправился на горящій корабль, не имѣя ни порученія, ни разрѣшенія на то съ моей стороны. Говорятъ, онъ тамъ отдавалъ самыя нелѣпыя распоряженія, такъ напр. приказалъ закрыть открытые водяные краны, запретилъ выбрасывать оружіе. Судьба несчастнаго была трагическая; въ упоеніи неслыханной побѣды, онъ заплатилъ за самовластіе собственною смертію. Менѣе извѣстна замѣчательная судьба одного норвежца, участвовавшаго въ качествѣ добровольца въ морской кампаніи датчанъ; спасеніе его было по истинѣ чудесное. Это былъ лейтенантъ графъ Ведель Ярлсбергъ, попавшій въ плѣнъ, въ качествѣ адъютанта Паллюдана, и явившійся съ нимъ вмѣстѣ ко мнѣ. Пробывъ короткое время у меня, онъ попросилъ разрѣшенія вернуться на корабль, чтобы взять нѣкоторыя забытыя второпяхъ бумаги командоръ-капитана Паллюдана. Я неохотно согласился, но не могъ отказать, такъ какъ графъ далъ клятву, что не предприметъ ничего враждебнаго на суднѣ и вернется назадъ въ качествѣ плѣннаго. Ротмистръ Фритчъ (второй адъютантъ герцога) и капитанъ Штиглицъ, сопровождали графа до берега и нехотя остались на немъ, когда плѣнный сѣлъ въ рыбацью лодку и приказалъ доставить себя скорѣе къ горящему судну. Черезъ нѣсколько мгновеній послѣдовалъ взрывъ; храбреца считали мертвымъ и похороненнымъ въ волнахъ.

Ночью меня разбудили и передо мною предсталъ этотъ неустрашимый офицеръ, весь мокрый, рапортующій о своемъ возвращеніи. Оказалось, его отбросило взрывомъ далеко въ воду безъ вреда. Будучи хорошимъ пловцемъ, онъ достигъ берега и, помня данное слово, вернулся въ плѣнъ.

Двадцать лѣтъ позже, въ день моего вступленія на престолъ, въ январѣ 1869 г., въ Готѣ ко мнѣ явился какой то шведскій адмиралъ, слегка посѣдѣвшій, и объявилъ, что онъ, помня всегда 5 апрѣля 1849 г., нарочно совершилъ далекій путь, чтобы принести мнѣ свои искреннѣйшія поздравленія.

Это былъ Ведель Ярлсбергъ, принадлежавшій уже къ самымъ выдающимся и извѣстнымъ офицерамъ шведскаго флота. Онъ въ тотъ день, двадцать лѣтъ тому назадъ, былъ крещенъ огнемъ и выдержалъ водяную пробу, какъ храбрый морякъ.

Сраженіе при Экериферде, по единогласному приговору знатоковъ того времени, причислено, хотя и не къ выдающимся, но всетаки къ рѣдкимъ и замѣчательнымъ случаямъ военной исторіи. Разумѣется, успѣхъ обусловливался рядомъ счастливыхъ обстоятельствъ.

Если сравнить восторгъ германскихъ газетъ на Пасхѣ, по поводу побѣды при Экериферде, съ равнодушіемъ къ шлезвигъ-голлитинскому вопросу до войны, то слѣдуетъ сознаться, что это сраженіе дало просторъ морскимъ мечтамъ германцевъ и сообщило войнѣ съ Даніею популярность. Стихотвореніямъ и привѣтствіямъ, которыми я былъ осыпанъ, не было конца, и даже англичане стали питать какой то родственнй интересъ къ намъ и выражать свое сочувствіе и одобреніе Германіи. Я не думаю, чтобы я когда либо преувеличивалъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ, но само происшествіе не могло быть достаточно оцѣнено въ то время. Можетъ быть, мое письмо къ брату (принцу-регенту Альберту, супругу королевы Викторіи) по поводу Экерифердскаго сраженія, не лишено до нѣкоторой степени значенія, въ качествѣ документа:

Гетторге, 6 апрѣля 1849 г.

«Хотя я полагаю, что ты уже слышалъ о нашемъ блестящемъ дѣлѣ, но думаю, всетаки, что мои строки не лишены интереса для тебя. Податель письма голлитинскій баронъ Ф. Гейнце, членъ штатгальтерства, на столько патриотъ, что даже вызвался съѣздить въ Англію, чтобы сообщить тебѣ официально о побѣдѣ. Я всего нѣсколько дней нахожусь здѣсь и былъ занятъ формированіемъ моего корпуса, какъ вдругъ узналъ 4 апрѣля вечеромъ, что передъ Экериферде показалась датская флотилія».

«Я отдалъ всѣ распоряженія для отраженія нападенія, но узналъ объ атакѣ лишь въ 7½ ч. утра. Огонь былъ открытъ

одновременно по городу и обѣимъ батареямъ. Мы храбро держались и нанесли пароходамъ такой вредъ, что они должны были черезъ два часа покинуть бухту. За ними послѣдовали два брига, изъ которыхъ одинъ былъ зажженъ каленымъ ядромъ».

«Къ 12 часамъ, линейный корабль и фрегатъ приблизились на 400 шаговъ къ городу и къ одной изъ батарей. Теперь надо было напрягать всѣ усилія, чтобы отразить десантъ, что и удалось. Я самъ оставался 2 часа подъ картечными выстрѣлами».

«Въ 12¹/₂ час. пополудни суда прекратили огонь, подняли бѣлый флагъ и послали ко мнѣ парламентаря, который предлагалъ прекратить огонь, за что съ своей стороны суда оставили бы портъ. Я потребовалъ безусловную сдачу, на что непріятель не согласился. Двухчасовое перемиріе было принято. Въ 4 часа огонь опять возобновился».

«Во время перемирія мнѣ удалось поставить 4 орудія Нассауской батареи позади песчаной насыпи, прямо противъ непріятельскихъ судовъ. Батарея произвела страшное опустошеніе и убила половину орудійной прислуги; послѣ 6 час. оба судна сдались»....

«Пусть это будетъ послѣднимъ военнымъ подвигомъ въ этой войнѣ, разоряющей прекрасную страну и не возвращающей датчанамъ ни пяди земли. Воодушевленіе здѣсь чрезвычайное. Я думаю, что ты могъ бы въ значительной мѣрѣ содѣйствовать заключенію мира.

Твой Эрнстъ».

«Я получилъ твое письмо изъ Гамбурга, 10 апрѣля—отвѣтилъ принцъ Альбертъ, ты увѣдомляешь меня о твоёмъ отбытіи къ бригадѣ и уже вчера, т. е. черезъ два дня спустя, о большой побѣдѣ, при самыхъ удивительныхъ обстоятельствахъ. Ты счастливецъ и напоминаешь мнѣ охотника, который вышелъ на бекаса, а наткнулся на оленя съ рогами о 14 отросткахъ. Ничего не могло случиться болѣе счастливаго; пусть потеря военныхъ судовъ склонитъ Данію къ миру, столь необходимому ей и Германіи».

Понятно, что въ Шлезвигъ-Гольштиніи съ такимъ блестящимъ началомъ связывали болѣе воинственные надежды, нежели я съ братомъ. Не ждали вовсе заключенія мира, а рассчитывали на чувствительное пораженіе Даніи (*). Въ этомъ смыслѣ составлено большинство отчетовъ объ Экерифердскомъ дѣлѣ, отправленныхъ даже къ повѣреннымъ въ дѣлахъ штатгальтерства при иностранныхъ дворахъ. Въ одномъ изъ этихъ

(*) Не совсѣмъ лишено интереса, то отношеніе къ дѣлу, котораго держалось Шлезвигъ-Гольштинское правительство. Поэтому поводу Шлейденъ пишетъ слѣдующее:

«Я могу говорить по собственному убѣжденію, такъ какъ я прибылъ съ д-ромъ Лоренцемъ въ Экериферде какъ-разъ во время короткаго перемирія. Нассауская батарея вышла на позицію немного стверихе нашей южной батареи, около богадѣльни короля Христіана. Линейный корабль, не смотря на отказъ дать судамъ возможность выйти изъ залива, не только не спускалъ парламентарскій флагъ, но даже пытался перемѣнить положеніе; поэтому батарея открыла огонь. Сначала огонь былъ довольно сильный, но потомъ скорѣ ослабѣлъ. Послѣ того какъ 4-й снарядъ попалъ въ корабль, на немъ около 6 часовъ, спустили флагъ. Общее «ура» привѣтствовало этотъ моментъ; сначала, однакоже, не вѣрилось, чтобы это былъ знакъ сдачи. Фрегатъ не поддерживалъ огонь въ продолженіи второй части боя. Мы слышали изъ усть герцога Готскаго, что оба судна сдались безусловно; эта вѣсть была привѣтствована народомъ громкими «Hoch!» Скорѣ началась перевозка команды съ корабля; отъ первыхъ же матросовъ, прыгнувшихъ довольно далеко отъ берега въ воду, чтобы тѣмъ ускорить возвращеніе шлюпокъ къ судну, мы узнали, что корабль горитъ, подоженный каленымъ ядромъ. Другіе сообщали, что судно горитъ въ 3 мѣстахъ. Адъютантъ Паллюдава клялся, что судно не подождено датчанами. Герцогъ 2 часа выстоялъ въ огнѣ, подъ нимъ убила лошадь. Онъ очень радовался удачѣ. Нашъ уронъ состоитъ изъ 1 убитаго, 5 легко раненыхъ и 2 коней нассауской батареи. Кромѣ того, убиты рейскій солдатъ и больная женщина въ богадѣльнѣ, въ своей постели. Въ городѣ много крышъ прострѣлено; угроза зажечь городъ снарядами, однакоже, не исполнена».

Въ слѣдующемъ письмѣ перечислена потеря датчанъ; хотя эти цифры немного больше сообщенныхъ въ нашихъ отчетахъ, но тѣмъ не менѣе онѣ заслуживаютъ нѣкотораго вниманія.

«Сегодня проявляются темныя стороны вчерашней картины. Теперь извѣстно, что съ линейнымъ кораблемъ взлетѣло на воздухъ около 200 человекъ, въ томъ числѣ изъ начальствующихъ 35 лицъ—12, а именно капитанъ-лейтенантъ Кригеръ и Марстрандъ...., врачи Смитъ и Ибсенъ. Печальнѣе всего, что нашъ молодецкій унтеръ-офицеръ Прейссеръ, который командовалъ южною батареею и которому было дано почетное порученіе ѣхать на корабль, взлетѣлъ также на воздухъ. Норвежскій доброволецъ, лейтенантъ Ведель Ярзбергъ, бросился въ моментъ взрыва въ воду и спасся, доплывъ до берега; онъ былъ лишь слегка кон-

отчетовъ, а именно въ отправленномъ къ Самверу въ Лондонъ, однакоже, находится малодушное признаніе: «необходимо было чрезвычайное происшествіе, подобное вчерашнему, чтобы не падать духомъ при столь плохихъ извѣстіяхъ, какія въ послѣднее время получались изъ Берлина».

Лейт. А. Бовальскій и инженер.-надв. совѣти. Э. Коріандеръ.

туженъ въ плечо упавшею сверху доской. Дѣйствіе взрыва было ужасно; труны и части ихъ раскинуты повсюду. Не лишено вѣроятія, что часть команды, застигнутая взрывомъ, спряталась отъ страха; но крайней мѣрѣ, говорить, что сдача фрегата не столько обуславливалась поврежденіемъ его, сколько страхомъ малообустроенной команды, которую въ послѣднее время невозможно было даже силою заставить встать къ орудіямъ. Правда, снаряды дѣйствовали ужасающимъ образомъ. На фрегатѣ, 40—60, по другимъ извѣстіямъ даже 120 убитыхъ и раненыхъ; судно пробито продолжками выстрѣлами навзлѣтъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Внутреннія помѣщенія представляютъ потрясающее зрѣлище. Линейный корабль получилъ отъ Наасауской батареи 16 снарядовъ въ кормовую часть, изъ которыхъ каждый среднимъ числомъ сразилъ 3 человѣка. Фрегатъ въ прошлую ночь переведенъ во внутреннюю гавань. Капитанъ Дошнеръ прибылъ въ 2 часа изъ Килъ съ 200 матросовъ. Судно предполагается починить въ 14 дней на столько, чтобы оно въ случай вторичнаго нападенія датчанъ, съ цѣлью взятія его обратно, могло бы служить батареею. Оба парохода еще стоятъ въ заливѣ и послали парламентерскую шляпку, чтобы осведомиться о судьбѣ команды *Christian VIII* и, въ особенности, о смѣнѣ командующаго балтійскою эскадрою, кадетъ Гардъ. Последний оказывается спасенъ. Военнопленныхъ, по словамъ коменданта, 1023 человѣка, въ томъ числѣ 44 выслухъ чина; они отправлены сегодня въ Рендсбургъ.....».

Шлезвигъ, 6 апрѣля 1849 г.

Позиція при Экернферде.

